

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Обзорная статья / Review

УДК / UDC 2 – 1

DOI 10.35231/18186653_2021_1_95

Профессиональный дискурс религиоведческих исследований в России: на перекрестках высказываний и смыслов

С. В. Рязанова

*Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН,
Пермь, Российская Федерация*

Введение. Статья посвящена установлению закономерностей дискурса о религии в пространстве российской культуры. Профессиональный дискурс религиоведения рассматривается как определяющий для понимания религии в системе образования, СМИ и текстах судебных экспертиз. Внимание уделяется механизмам формирования и факторам эволюции высказываний о религии в научных исследованиях и в публичном пространстве. Массив текстов, посвященных религиозным феноменам, предстает как лоскутный, лишенный единой логики и общего языка описания.

Содержание. Автор определяет набор социальных акторов, выступающих в качестве создателей дискурса о религии. К акторам коллективного типа принадлежат сообщества верующих, СМИ, образовательные организации, политико-правовые институты и профессиональные сообщества ученых. Внешнее позиционирование этих групп и принципы их функционирования определяют подходы в понимании религии, принципы и содержание высказываний. Для религиозных сообществ сложные обстоятельства их самоопределения в публичном пространстве и уровень их гетерогенности не способствуют формированию универсального языка самоописания. Образовательные институты не сформировали обоснованного и завершенного подхода в отношении религии, вне зависимости от типа учреждения. Преподавание дисциплин, связанных с религией, зависит от индивидуальных факторов, дефицита подготовленных кадров и сегментарности учебных курсов, что приводит к возникновению симулякра осведомленности о религии. Участие СМИ в формировании дискурса о религии характеризуется низким уровнем адекватных публикации о религиозных феноменах. Результаты деятельности СМИ зависят от функционирования системы образования, финансовой привлекательности темы и уровня ксенофобии автора. Политико-правовые институты задают только границы допустимых высказываний, вне учета инструментария говорения.

Выводы. Научный подход к религии оказывается зависим от набора индивидуальных характеристик исследователя, административного влияния, системы наукометрии и научных авторитетов, кадровой политики и взаимоотношений между профессиональными сообществами. Дискурс о религии в настоящее время реализуется как социально обусловленный, идеологически адаптированный и недооформленный конструкт, оставляющий открытым вопрос о перспективах религиоведения.

Ключевые слова: религиоведение, дискурс о религии, научный язык, факторы формирования дискурса.

Для цитирования: Рязанова С. В. Профессиональный дискурс религиоведческих исследований в России: на перекрестках высказываний и смыслов / С. В. Рязанова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2021. – № 1. – С. 95–112. DOI 10.35231/18186653_2021_1_95

Professional discourse of religious studies in Russia: at the crossroads of utterances and meanings

Svetlana V. Ryazanova

*Russian Academy of Sciences, Perm Federal Research Center,
Perm, Russian Federation*

Introduction. The article is devoted to the establishment of the regularities of the discourse about religion in the space of Russian culture. The professional discourse of religious studies is considered as determining the understanding of religion in the educational system, the media, and the texts of forensic examinations. Attention is paid to the mechanisms of formation and factors of evolution of statements about religion in scientific research and in the public space. The array of texts devoted to religious phenomena appears as a patchwork, devoid of a single logic and a common language of description.

Content. The author defines a set of social actors who act as creators of the discourse about religion. Collective actors include communities of believers, mass media, educational organizations, political and legal institutions, and professional communities of scholars. The external positioning of these groups and the principles of their functioning determine the approaches to understanding religion, the principles and content of statements. For religious communities, the complex circumstances of their self-determination in the public space and the level of their heterogeneity do not contribute to the formation of a universal language of self-description. Educational institutions have not developed a well-founded and complete approach to religion, regardless of the type of institution. The teaching of religion-related disciplines depends on individual factors, the shortage of trained personnel, and the training courses segmentation, which leads to a simulacrum of religious awareness. Media participation in shaping the discourse on religion is characterized by a low level of adequate publications about religious phenomena. The results of media activities depend on the functioning of the educational system, the financial attractiveness of the topic and the level of xenophobia of the author. Political and legal institutions set only the limits of permissible utterances, without taking into account the tools of speaking.

Conclusion. The scientific approach to religion depends on the set of individual characteristics of the researcher, administrative influence, the system of scientometrics and scientific authorities, personnel policy and relations between professional communities. The discourse on religion is currently being implemented as a socially conditioned, ideologically adapted and under-formed construct, leaving open the question of the prospects of religious studies.

Key words: religious studies, discourse on religion, scientific language, factors of discourse formation.

For citation: Ryazanova, S. V. (2021). Professional'nyi diskurs religiovedcheskih issledovanij v Rossii: na perekryostkakh vyskazyvanij i smyslov [Professional discourse of religious studies in Russia: at the crossroads of utterances and meanings]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. pp. 95–112. DOI 10.35231/18186653_2021_1_95 (In Russian).

Введение

Формирование представлений о религии в обществе не является спонтанным процессом, автоматически обусловленным особенностями культурного пространства. Оно происходит под воздействием ряда факторов объективного и субъективного характера, обуславливается традициями научного описания и анализа, легитимируется в ходе осуществления социальных практик. С учетом всех существующих точек приложений научных, идеологических, медийных усилий образуется некий тренд, который, в свою очередь, начинает определять логику и качество возникающих текстов, которые можно определить как вторичные по отношению к исходным установкам. К нарративам такого рода стоит отнести учебные пособия, используемые в образовательных учреждениях, информационные сообщения по связанным с религией поводам и, наконец, тексты судебных экспертиз, которые могут включать в себя научные новации, но чаще всего являются производным от конституированных представлений о предмете. Искаженной в границах обыденного сознания проекцией становится бытовое представление о религии, в котором может совмещаться уважение к неведомым высшим силам, критика существующих религиозных институтов, желание получить эзотерическую информацию и идиосинкразия по отношению к конкретному верующему или группе.

Возникают закономерные вопросы о том, как работают механизмы публичного дискурса о религии, какие факторы влияют на его становление и эволюцию, кто становится субъектом говорения, конституирующим высказывания по поводу религии?

Под дискурсом условимся понимать существующую практику высказывания, приводящую к формированию текстов определенного характера и содержания. Очевидно, что в качестве субъектов-конструкторов дискурса, конституирующих его основные параметры, выступают социальные акторы, в свою очередь, являющиеся продуктами функционирования культуры. Утверждение и трансформация дискурсивных практик легитимируются сложившимися в обществе традициями, идеологическими мотивами, а также особенностями тех

сфер социальной жизни. в рамках которых осуществляется высказывание и формируется текст об объекте.

В настоящее время приходится признать, что единого, относительно упорядоченного пространства высказываний о религии не существует. Оно является лоскутным, иллюстрируя наибольшую успешность исследований частных проблем. Основной причиной такой ситуации является отсутствие общего языка, в границы которого помещались бы религиозные феномены. Инструментальное использование терминов в связи с конкретным кейсом оказывается более перспективным, по сравнению с попытками определить базовые категории религиоведения и смежных дисциплин. В предлагаемом обзоре мы попытаемся установить субъективные факторы складывания такой ситуации, влияющие на природу и характер высказываний о сути религии, ее специфике и месте в обществе.

Содержание исследования

К субъектам формирования высказываний относятся, прежде всего, социальные акторы коллективной природы, которые закладывают принципы восприятия и анализа религиозных феноменов, определяя не только мейнстрим создания образа, но и мелкие детали, влияющие на развертывание конкретных ситуаций. Это общественные институты, задающие тон в определении места религии в социальном пространстве.

В первую очередь, к ним относятся многочисленные религиозные организации и группы, своим позиционированием, стратегией поведения и высказываниями задающие вектор отношения к себе и к религии в целом. Количественный анализ этих высказываний [см. подробнее: 26] дает возможность зафиксировать оттенки позиций, озвучиваемых говорящим и влияющих на социальный портрет конкретного религиозного сообщества. Однако для нашего исследования более значимым представляется выделение самих принципов позиционирования групп в социальном пространстве как определяющих принципы и содержание высказывания.

В вопросах определения собственного места в общественном пространстве религиозные сообщества предлагают целый спектр вариантов: (1) претензии на выполнение функций государственной религии и активное влияние на большинство сфер общественной жизни (РПЦ МП); (2) существование в замкнутой этнической нише с незначительным участием в социальной жизни (католики, лютеране, ортодоксальные иудеи, мусульмане-ханифиты); (3) желание легитимировать свое присутствие в общественном пространстве (харизматические

церкви пятидесятнического толка, большинство баптистских организаций, адвентисты седьмого дня, хасиды (Хабад Любавич¹), часть так называемых новых религиозных движений); (4) присутствие в качестве незарегистрированных религиозных групп и стремление сохранить целостность и независимость («классические» пятидесятники, баптисты «Отделенного братства», медитативные группы с ориенталистским уклоном, «неоязычники»).

¹ В случае с Хабад Любавич очень наглядным является пермский кейс: Еврейской общине снова отказали в выделении земли. [Электронный ресурс]. URL: http://fedpress.ru/news/polit_vlast/news_polit/1449553169-evreiskoi-obshchine-permi-snova-otkazali-v-vydelении-zemli (дата обращения: 09.07.2020); Пермляки выступили против строительства синагоги на Разгуляе. [Электронный ресурс]. URL: <http://properm.ru/news/society/62072/> (дата обращения: 09.07.2020); Заявление пермского отделения Национально-демократической партии против передачи участка земли под постройку общинного центра Хабад Любавич. [Электронный ресурс]. URL: <http://rosndp.org/zayavlenie-permskogo-otdeleniya-nacionaljno-demokraticeskoy-partii.htm> (дата обращения: 09.07.2020); Власти Перми согласовали предоставление Хабад Любавич земельного участка. [Электронный ресурс]. URL: http://v-kurse.ru/news/politics/meriya_permi_podarila_zemlyu_za_50 mln_somnitelnoy_organizatsii_1813734/ (дата обращения: 09.07.2020); Еврейской общине снова отказали в выделении земли. [Электронный ресурс]. URL: http://fedpress.ru/news/polit_vlast/news_polit/1449553169-evreiskoi-obshchine-permi-snova-otkazali-v-vydelении-zemli (дата обращения: 09.07.2020); Чудеса переговоров. Пермским евреям выделяют землю под строительство культурного центра. [Электронный ресурс]. URL: <http://properm.ru/realty/news/118449/> (дата обращения: 09.07.2020); «Берл Лазар, уходи, это наша земля». В Перми прошел пикет против строительства «хабадского» центра. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nakanune.ru/news/2016/3/21/22430728/> (дата обращения: 09.07.2020); Еврейской общине Перми официально выделили землю. [Электронный ресурс]. URL: <http://59.ru/text/newsline/147755544858624.html> (дата обращения: 09.07.2020); Администрация Перми подделала правила землепользования и застройки при передаче земли секте Хабад Любавич. [Электронный ресурс]. URL: <http://periscor.prpc.ru/news/2009-160331> (дата обращения: 09.07.2020); Михаил Делягин: «Благодаря Перми «Единая Россия» становится партией хасидского террора...». [Электронный ресурс]. URL: <http://periscor.prpc.ru/news/2054-160413> (дата обращения: 09.07.2020); Петиция губернатору Пермского края Басаргину Виктору Фёдоровичу, Вице-спикеру Пермской городской думы Уткину Юрию Аркадьевичу, Главе администрации города Перми Самойлову Дмитрию Ивановичу: Не дарите «Еврейской общине Перми» бесплатную землю под общинный центр! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.change.org/> (дата обращения: 09.07.2020); К протесту против выдачи земли еврейской общине в Перми подключился Свободный профсоюз коренных народов Перми. [Электронный ресурс]. URL: <http://nazaccent.ru/content/20453-k-protestu-protiv-vydachi-zemli-evreyam.html> (дата обращения: 09.07.2020); Пермляки потребовали от Путина запретить секту «Хабад Любавич» как нацистскую и человеконенавистническую. [Электронный ресурс]. URL: <http://periscor.prpc.ru/news/2072-160418> (дата обращения: 09.07.2020); Пермские писатели просят власть пересмотреть решение о выделении земли любавичским хасидам. [Электронный ресурс]. URL: <http://periscor.prpc.ru/news/2148-160518> (дата обращения: 09.07.2020); Зоозащитники требуют привлечь хасидов к уголовной ответственности за ритуальные убийства. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.periscor.prpc.ru/news/2183-160608> (дата обращения: 09.07.2020).

Можно выделить еще две позиции, реализуемые в настоящее время в конфессиональном пространстве страны: либо стремление восстановить статус организации как религиозной (Церковь саентологии), либо нелегальное существование (Свидетели Иеговы, деятельность религиозных организаций которых запрещена в РФ). Особняком стоят религиозные организации и группы, прилагающие усилия быть незаметными на общем конфессиональном фоне [16], либо просто не привлекая к себе внимание (сторонники печально прославившегося Белого Братства)¹, либо маскируясь под легитимные для социума общины верующих (так называемая Покровская обитель г. Перми, до осени 2019 г. воспринимаемая как православный приход).

Стоит оговориться, что здесь приводятся только наиболее отчетливо оформленные позиции религиозных сообществ в социуме, фиксируемые на уровне правовых, институтов, социологических наблюдений и высказываний представителей групп. В случае, когда религиозная организация имеет значительные размеры, течения и ответвления, можно говорить о расхождении социальных позиций и в такой организации. Для РПЦ МП, например, такими внутренними инвариантами являются сторонники отца Георгия Кочеткова, последователи бывшего архиепископа Чукотки Диомида, а также так называемые царебожники².

Во всех упомянутых случаях высказывания не предполагают определение ключевых понятий и осуществляются в рамках специфического языка, который невозможно использовать в качестве универсального. Популярными являются темы этического, благотворительного и миссионерского характера, создающие образ религии как идеальной сущности с элементами панацеи от социальных проблем. Отдельные элементы таких представлений включаются в медийные, управленческие и образовательные подходы в характеристике отдельных сообществ верующих.

¹ Для региона Западного Урала такую стратегию выбрала недавно переименованная Церковь Марии Магдалины и апостола Иоанна (ранее – «Семья Божия»).

² Несмотря на свое маргинальное (а сейчас уже и внецерковное) положение, представитель царебожников С. Романов неоднократно делал публичные заявления, связанные, в том числе, со статусом религии в публичном пространстве: Гусельников А. Вахрушев А. В РПЦ рассказали, как будут судить экс-духовника Поклонской. [Электронный ресурс]. URL: <https://ura.news/news/1052433734>

Разумеется, религиозные сообщества, претендующие на активные действия в социальном пространстве, создают более мощный импульс для выстраивания образа религии. Негативно или позитивно оцениваемая, такая организация заявляет о себе как значимом социальном акторе, декларирующем готовность и способность осуществлять социальные преобразования и быть достойным партнером властным структурам, диктовать соображения и рекомендации¹.

Иное впечатление создают представители религиозных групп, желающих закрепиться в конфессиональном пространстве страны и региона. Активный прозелитизм зачастую воспринимается как назойливость, а при недостаточной грамотности реципиента в религиозных вопросах возрождается всем известный образ «сектантов», якобы способных нанести ущерб традиционной культуре. Достаточно вспомнить регулярные визиты свидетелей Иеговы по квартирам и их агитацию на улицах, дававшие некий минимум информации, но не приводящие при этом к пониманию самого феномена, скорее вызывая эффект неприязни. Примечательно, что тот же результат имеет и деятельность незарегистрированных объединений, плохо известных и журналистам, и обывателям, и, в некоторых случаях, исследователям.

Тем самым, образ религиозного сообщества приобретает двойственность. С одной стороны, это привычные, укорененные в культуре, имеющие большое число носителей общины. С другой стороны – непонятные, вызывающие опасения, непрозрачные для внешнего наблюдателя и странные в поведении группы. Поэтому вопрос об отношении к религии, задаваемый на фокус-группах и в ходе опросов населения, все чаще приобретает форму «Я отношусь...., но...»; «Это зависит от того, какая...», указывая на слабость идеи равенства религий в менталитете россиян.

Приведенные примеры самопрезентации являются только побочным продуктом обыденной деятельности религиозных сообществ, когда возникающий имидж во многом формируется спонтанно. В то же время попытки осознанной

¹ Примечательно, что запрещенный в служении отец Сергей Романов позволил себе открытую критику политики властей в период пандемии и рекомендации патриарху оставить свой пост. Само высказывание пока может быть отнесено только на совесть говорящего, но его форма и содержание во многом являются дериватом от претензий православия на, как минимум, дидактическую роль для общества. Романов здесь скорее правило, чем исключение, если поставить его высказывания в один ряд с теми, которые делает ряд священников в социальных сетях (пример – о. Александр Пелин). Священство готово поучать даже там, где это не требуется технически: так, автор статьи, придя на интервью с одним из иереев Пермской области, выслушала от него краткую лекцию о том, какой должна быть женская одежда.

легитимации в конфессиональном пространстве страны можно считать примером своеобразного религиозного маркетинга. Справедливо полагая, что традиционно укорененные в культуре системы вероисповеданий имеют преимущества для привлечения потенциальных неофитов, часть сравнительно молодых религиозных объединений стремится связать собственную историю с религиозно-культурными традициями страны.

В первую очередь это касается евангельских церквей харизматического толка, которые до сих пор выглядят несколько чужеродно для большинства граждан. В качестве примеров можно привести трактовку протестантизма как российского явления казанской церковью «Краеугольный камень» или перерегистрацию одной из крупнейших церквей Пермского края «Свет Истины» в связи с нежеланием отождествляться с христианами веры евангельской¹. Варианты такого дискурса единичны и слабо заметны на фоне основных трендов в высказывании религиозных общин о себе и не определяют дискурсивное пространство.

Следует признать, что в части формирования представлений о религии и способов суждения о ней религиозные организации вносят, в большей степени, эмоциональный вклад, основанный на специфике и уровне удачности репрезентации. Для самовыражения они используют либо специфический религиозный язык, либо всеми признанный идеологически-агитационный язык, – и то и другое практически ничего не даёт для адекватного объективного описания религиозных феноменов.

Несомненное влияние на представления о религии оказывает и институт образования, в границах которого ни на одной из ступеней не сложилось обоснованного и полноценного подхода в ознакомлении обучающихся с религией как феноменом. На наш взгляд, это в равной мере касается как светских, так и конфессиональных учебных заведений.

Если говорить о системе светского образования, то в ее рамках относительно объективными являются образовательные программы только для обучающихся по направлению «Религиоведение». При этом формирование учебного плана, отбор дисциплин и наполнение изучаемых предметов содержанием, рекомендуемые ресурсы – напрямую зависят от руководителя направления, что повышает роль индивидуального фактора в складывании представлений о религиозных феноменах.

¹ Руководитель церкви в публичных выступлениях открыто говорит о наличии корней исповедуемого учения в доктринах стригольников и жидовствующих и о крайне слабом влиянии протестантской традиции. Думается, желание убедить окружающих в древности учения в данном случае соседствует со стремлением отмежеваться от актуальных для перестроечного времени связей с западными церквями. Пример подобной политики см. [2].

Большинство гуманитариев в лучшем случае довольствуется семестровым курсом по основам религиоведения или истории мировых религий, что вполне логично в условиях сокращения числа аудиторных часов и желания сохранить нагрузку для преподавателей профильных дисциплин. Студентам технических и естественнонаучных специальностей религия является только в курсе философии (иногда – истории мировой культуры) как экзотический феномен, создающий дополнительную нагрузку для запоминания. Краткое упоминание вопросов религии этом случае имеет худшие последствия, чем их игнорирование, поскольку в восприятии остаются либо забавные казусы, либо возмутительные случаи, интериоризированные слушателем согласно собственным мировоззренческим установкам.

Что касается школьного уровня образования, то курс ОРКиСЭ вообще не ставит перед учителями задачи трансляция информации о религии в сущностном отношении, поэтому посвященные ей темы занимают маргинальное положение на уроках истории, обществознания и, иногда, литературы.

Следует констатировать, что роль системы образования в понимании религии и научении высказываться о ней следует считать минимальной по сути, но весьма значимой для формирования симулякра образованности. Владелец аттестата или диплома может воспринимать себя как осведомленного в общих вопросах человека, способного делать полноценные высказывания и не нуждающегося в дополнительной информации – в силу, как образованности, так и служебной занятости¹.

Влиятельным субъектом формирования языка описания религии и способа отношения к ней являются средства массовой информации. Приходится признать, что если конфессионально аффилированные СМИ и журналисты выглядят как достаточно компетентные в той области, о которой они высказываются (тем более, что чаще всего это связано с информированием верующих, ежедневными новостями и экскурсом в историю конфессии), то светские новостные порталы и репортажи в сообщениях на религиозную тему чаще всего предстают очень непривлекательными. Не имея специальной подготовки, новостники делают «перепост» информации, не вникая в содержание, не утруждая себя необходимостью проверки фактов и соблюдения корректности в употреблении религиозной терминологии. В наиболее казусных случаях, когда репортер хочет

¹ В начале 2000-х гг. в Перми проводились специальные курсы для главврачей больниц, директоров школ, домов культуры и представителей средних специальных учебных заведений о конфессиональной ситуации в регионе. Самая распространенная реакция слушателей: «Мы очень заняты, а вы нас отвлекаете на ерунду».

проявить творческое начало, можно столкнуться с конструированием химерических высказываний вроде «кафедральная мечеть», «шииты-ваххабиты», «сионист-ваххабит». Очевидно, что речь не идет о создании специального сегмента журналистского языка, который был бы связан с религиозными феноменами. В пространстве СМИ в отношении религии сходятся результаты деятельности системы образования, бытовая ксенофобия, выражающаяся в нежелании вникнуть в инокультурный сюжет или явление, и стремление повисить кликабельность ресурса.

Политико-правовые институты также нельзя исключать из процесса формирования дискурса, поскольку именно в их рамках задаются границы легитимации, как отдельных религиозных объединений, так и религии в целом. Примечательно, что крайняя формализованность юридических формулировок применительно к религиозным феноменам сочетается с отсутствием определения самой религии, место которого занимает констатация факта наличия разных вероучений в культурном пространстве страны.

Законодательно фиксируются границы религиозного пространства (через указание на разрешенные и запрещенные религиозные организации) и допустимые способы говорения о них (правовые нормы об «оскорблении чувств верующих»), устанавливаются элементы иерархии (деление на внесшие свой вклад в культуру страны и не сделавшие этого). Спорным остается и вопрос о том, может ли официально объявленное запрещенным сообщество верующих стать или оставаться объектом научного интереса.

Особую роль в сфере оформления и развертывания дискурса о религии играет сфера науки, точнее – различные её институции. Существующие в рамках академических структур и образовательных учреждений подразделения берут на себя работу по выдвиганию, обоснованию и научной разработке категорий и терминов. В этом конструировании сильное влияние оказывают используемый исследователем язык, его конфессиональная принадлежность или непринадлежность, традиции сложившегося научного суждения о предмете, существующий набор авторитетных высказываний, запросы научного сообщества, связанные с публикационной активностью и ее оценкой, административное давление.

Сравнительная молодость религиоведческих дисциплин в России по-прежнему сочетается с не до конца определенным объектом, а также с нечеткостью границ, что размещает исследуемые предметы на стыке разных социально-гуманитарных наук. В настоящее время ещё не сложился механизм отбора устоявшихся категорий, поэтому их использование имеет ситуативный и прагматичный

характер [17], сопровождается активным использованием терминологии смежных дисциплин, не всегда с сохранением исходной смысловой и методологической нагрузки.

Отдельного упоминания заслуживает кадровая политика в науке, оказывающая прямое влияние на продуцирование научных идей. Наука как поле деятельности специально подготовленных кадров формирует систему инициаций и препятствий для необходимого отбора. Внешняя строгость подхода при этом сопряжена с формализмом, не всегда позволяющим занять нишу в научной структуре тем, кто обладает наиболее высоким исследовательским потенциалом. Система отбора работает при помощи отсеивания того, что не вписывается в мейнстрим, является непривычным, создает угрозу конкуренции. Корпоративная солидарность не всегда реализуется исключительно в интересах демаркации наук или повышения качества проводимых исследований, она может приобретать характер выдавливания за рамки научных институтов. Такого рода воздействие может иметь как коллективный, так и индивидуальный характер. Особенно наглядно действие механизмов такого рода прослеживается в деятельности научных изданий, часть которых фактически узурпирована редакцией и ориентирована только на «своих» авторов.

Свой вклад в оформление дискурсивных практик могли бы внести научные объединения специалистов в области религиоведения. Собственно говоря, их исходный смысл в том, чтобы быть инициаторами научных мероприятий разного рода, способствующих консолидации религиоведческого сообщества. Такие объединения необязательно должны иметь правовое оформление, зачастую используя в качестве центра одного из авторитетных религиоведов. Наличие множества подобных сообществ могло бы привести к возникновению сетевой структуры, части которой функционировали бы как равноправные.

Однако почти во всех случаях (за исключением, пожалуй, Русского религиоведческого общества) создаваемая организация или то, что за нее выдавалось, претендовала на выстраивание научной иерархии с эксклюзивным правом на определение стратегии развития религиоведения – через отбор тем, участников, учреждений и т. д. номинированных на представителей отечественного религиоведения. Претензии на исключительность, связанные еще и с проблемой членства в международных профильных организациях, привели к диффузии научного сообщества, в результате которой выделилась еще и абсентеистская часть, состоящая из ученых на местах и ориентированная на исследования локального характера.

Все это не способствует сущностному развитию религиоведения именно как научной дисциплины. Трактовки в понимании объекта и предмета институционального религиоведения остановились на уровне критики и переосмысления наследия дореволюционного и советского периодов в науках о религии [1; 3; 4; 7–15; 18–19; 22–25]. В настоящее время имеет место осваивание зарубежных концепций и попытки применить их в российских реалиях [20]. Анализ заимствованных идей зачастую осуществляется некритически, либо они используются запоздало (пример – популярность теории секуляризации П. Бергера, в корректности которой усомнился сам автор), сочетаясь с незнанием новых отечественных подходов в исследовании [5]. Встречаются и попытки конструктивного пересмотра сложившегося категориального аппарата, но они имеют частный характер [21], вызывая резкую критику [6].

Помимо социальных институтов в конструирование дискурса включаются еще и акторы-индивиды. Сущностные характеристики исследователя складываются под воздействием набора социальных обстоятельств. Часть из них связана с личными и профессиональными качествами, остальные традиционно обусловлены средой деятельности, идеологическим и политическим пространством, сложившимися социальными практиками. Поскольку научная деятельность реализуется в пространстве общественного, укажем наиболее значимые ситуации, игнорирование которых является затруднительным, либо болезненным процессом и способно вывести исследователя в институционально маргинальное положение.

Прежде всего, речь идет о конфессиональной аффилиации исследователя, либо об отсутствии таковой. Обе позиции являются уязвимыми: в первом случае, отвечая на вопрос о степени объективности верующего исследователя, особенно при использовании техник включенного наблюдения; во втором – отбиваясь от обвинений коллег и респондентов в невозможности понять вероучительные феномены, не будучи лично вовлеченным в таковые.

В равной мере весомым для возможности индивидуального высказывания о религии является наличие значимого научного авторитета, чьи заслуги оцениваются очень высоко, а разработанные концепты находятся вне зоны критики.

Сочетание этих обстоятельств с работой в централизованной религиозной или в научной организации, а также в органах администрации любого уровня создает фоновое давление, корректирующее характер и содержание высказываний генератора научного знания. Условно независимым можно считать ученого, не трудоустроенного в границах научных и образовательных институций. Но эта условная независимость прекращается при прохождении отбора научных работ (для публикации, защиты, выступления с докладом).

К качествам личного характера, помимо полученного образования, следует отнести степень стереотипности восприятия, желание принадлежать к научному мейнстриму, уровень конфликтности и способность фиксировать и корректировать собственные ошибки. Все эти качества являются исходно этически амбивалентными и могут в равной мере способствовать и препятствовать развитию научного знания. Хорошее образование и принадлежность к известной научной школе могут иметь обратной стороной неумение взглянуть на исследовательскую проблему с нового ракурса и отсутствие самостоятельной научной позиции. Конфликтность как стремление отстаивать правоту зачастую становится самодостаточной стратегией поведения, неконструктивной в ситуации научных договоренностей, конвенций организационного и методологического характера.

Само по себе наличие доминирующей линии развития науки вполне приемлемо, если не приводит при этом к отсеву альтернативных концепций, которые являются продуктивными в решении конкретных исследовательских задач, не совпадая в какой-то части с общепринятыми подходами. В реальности механизм отбора такого рода концепций является субъективным, зачастую опирается на так называемые короткие связи и учитывает общую научную, политическую и финансовую конъюнктуру.

Исследователь в очень редких случаях может себе позволить независимое суждение, будучи корректируемым непосредственным работодателем, законодательством, необходимостью публикации в статусных изданиях, требованиями конкурсов грантов и существующей конкуренцией. Это нагромождение требований венчается эфемерно полезным индексом цитирования, на самом деле являющимся только индикатором умения автора привлечь внимание читателя за счет использования ресурсов разного характера.

Выводы

Все обозначенное делает дискурс о религии не набором верифицированных суждений, отражающих сущность воспринимаемого явления, а социально обусловленным и адаптированным к идеологической ситуации конструктом, не позволяющим сформировать ни слаженную систему высказываний и идей, ни продуктивный научный диалог. В настоящее время катастрофически не хватает регулярно работающих семинаров методологического характера именно для религиоведов, узко тематических конференций и объективной системы отбора научных публикаций, не связанной с личными предпочтениями редакторов, политической конъюнктурой и соображениями благотворительного характера.

Нарастающая конкуренция с теологией делает специалиста-религиоведа идеологически уязвимым и заставляет осторожничать в научных заключениях. Актуальной становится уже не разработка стратегии развития религиоведения, хоть в каком-то качестве, а его сохранение в научном и образовательном пространстве.

Список литературы

1. Антонов К. М. От дореволюционной науки о религии к советскому религиоведению: трансформация системы научно-исследовательских программ и формирование «советской» формации дискурса о религии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1. Богословие. Философия. Религиоведение. – 2013. – Вып. 6 (50). – С. 67–97.
2. Бородина Е. А. Биографический метод в реконструкции истории формирования религиозного сообщества (на примере церкви «Свет Истины») // Технологос. – 2020. – № 1. – С. 57–66.
3. Воронцова Е. В. Программы конкретно-социологических исследований религиозности населения А. И. Клибанова и А. И. Демьянова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1. Богословие. Философия. Религиоведение. – 2018. – Вып. 78. – С. 135–145.
4. Глушаев А. Л. Атеистическая литература 1950-х – 1980-х годов как источник по истории евангельских церквей СССР // Вестник Пермского университета. Сер. «История». – 2018. – Вып. 4 (43). – С. 117–123.
5. Давыдов И. П. «Черный ящик» российского религиоведения в свете акторно-сетевой теории Бруно Латура // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Т. 6. – Вып. 1. – С. 193–203.
6. Исаев С. А. Рецензия на монографию: Фадеев И. А. Церковь Англии: проблема профессиональной самоидентификации в исторической перспективе // Петербургский исторический журнал. – 2017. – № 4 (16). – С. 310–325.
7. Колмакова М. В. Изучение деятельности нетрадиционных религиозных движений в России в 70 гг. XX века // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2013. – Т. 14. – Вып. 1. – С. 52–55.
8. Колмакова М. В. Направления исследований религиозного сектантства в работах советских ученых 60–80 гг. XX века // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2017. – № 1(3). – С. 192–198.
9. Костылев П. Н. Институционализация религиоведения в Московском университете в первой половине XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1. Богословие. Философия. Религиоведение. – 2013. – Вып. 5 (49). – С. 79–95.
10. Меньшикова Е. В. Из истории отечественного религиоведения: осмысление предмета и методов в 20-30 годы XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – С. 38–42.
11. Меньшикова Е. В. Проблемное поле религиоведческих исследований в 20-30 гг. XX века (к истории отечественного религиоведения) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – № 3. – С. 37–39.
12. Меньшикова Е. В., Яблоков И. Н. О периодах в истории отечественного религиоведения // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 2011. – № 5. – С. 98–116.

13. Метель О. В. Изучение религиозной проблематики в стенах Коммунистической академии: от кабинета религиозной идеологии к антирелигиозной секции // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1. Богословие. Философия. Религиоведение. – 2017. – Вып. 69. – С. 71–86.

14. «Наука о религии», «научный атеизм», «религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX – начала XXI века. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. – 263 с.

15. Потапова Н. В. История евангельско-баптистского сообщества российского Дальнего Востока 1917–1922 гг. в работах первых советских историков–«антирелигиозников» // Известия Восточного института. 2013. – Вып. 2 (22). – С. 46–56.

16. Рязанова С. В. Закрытое религиозное сообщество: стратегия складывания и принципы функционирования // Социологическая наука и социальная практика. – 2020. – Т. 8. – № 2. – С. 86–100.

17. Рязанова С. В. Категориальный аппарат религиоведения: границы, принципы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2013. – Т. 13. – № 1. – С. 37–50.

18. Сафронов Р. О. Изучение сект в советском религиоведении: терминология и подходы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1. Богословие. Философия. Религиоведение. – 2013. – Вып. 5 (49). – С. 96–112.

19. Смирнов М. Ю. Религия и исследования религий в России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – Т. 2. – № 1. – С. 263–269.

20. Тотальные институты в России. Журнал исследований социальной политики. – 2019. – Т. 17. – № 3.

21. Фадеев И. А. Церковь Англии: проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе. – М.: Маска, 2015. – 416 с.

22. Шахнович М. М. Очерки по истории религиоведения. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – 290 с.

23. Шахнович М. М. История отечественного и зарубежного религиоведения // Религиоведение. – 2008. – № 1. – С. 193–200.

24. Шахнович М. М. К истории возникновения сравнительного религиоведения в России // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 17. – 2013. – Вып. 3. – С. 80–86.

25. Шахнович М. М. Изучение религии в России в конце XIX – первой половине XX века: от феноменологического описания к критическому исследованию // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2018. – № 1. – С. 171–195.

26. Quantifying approaches to discourse for social scientists. – Coventry: Palgrave Macmillan, 2019. – 320 p.

References

1. Antonov K. M. (2013). Ot dorevolutsionnoy nauki o religii k sovetskomu religiovedeniyu: transformatsiya sistemy nauchno-issledovatel'skikh programm i formirovaniye «sovetskoy» formatsii diskursa o religii [From pre-revolutionary science of religion to Soviet religious studies: transformation of the system of research programs and the formation of a "Soviet" formation of discourse about religion]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya 1:*

Bogosloviye. Filosofiya. Religiovedeniye [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Theology. Philosophy. Religious studies]. Issue. 6 (50). pp. 67–97. (In Russian).

2. Borodina E. A. (2020). Biograficheskiy metod v rekonstruktsii istorii formirovaniya religioznoy soobshchestva (na primere tserkvi “Svet Istiny”) [Biographical method in the reconstruction of the history of the formation of a religious community (on the example of the Church “Light of Truth”)] *Tekhnologos* [Technologos]. No. 1. pp. 57–66. (In Russian).

3. Vorontsova E. V. (2018). Programmy konkretno-sotsiologicheskikh issledovaniy religioznosti naseleniya A. I. Klibanova i A. I. Dem'yanova [Programs of specific sociological studies of the population religiosity by A. I. Klibanov and A. I. Demyanov]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogosloviye. Filosofiya. Religiovedeniye* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Theology. Philosophy. Religious studies]. Issue. 78. pp. 135–145. (In Russian).

4. Glushaev A. L. (2018). Ateisticheskaya literatura 1950kh – 1980kh godov kak istochnik po istorii yevangel'skikh tserkvey SSSR [Atheistic literature of the 1950s – 1980s as a source on the history of the evangelical churches of the USSR]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya “Istoriya”* [Bulletin of Perm. university. Ser. “History”]. Issue. 4 (43). pp. 117–123. (In Russian).

5. Davydov I. P. (2015). “Chernyy yashchik” rossiyskogo religiovedeniya v svete aktornoy setevoy teorii Bruno Latour [“Black box” of Russian religious studies in the light of the actor-network theory of Bruno Latour]. *Vestnik RKHGA* [Bulletin of the RHGA]. Vol. 6. Issue. 1. pp. 193–203. (In Russian).

6. Isaev S. A. (2017). Retsenziya na monografiyu Fadeyev I. A. Tserkov' Anglii: problema konfessional'noy samoidentifikatsii v istoricheskoy perspektive [Review of the monograph Fadeev I.A. Church of England: the problem of confessional self-identification in a historical perspective]. *Peterburgskiy istoricheskij zhurnal* [Petersburg Historical Journal]. No. 4 (16). pp. 310–325. (In Russian).

7. Kolmakova M. V. (2013). Izucheniye deyatelnosti netraditsionnykh religioznykh dvizheniy v Rossii v 70 gg. XX veka [Study of the activities of non-traditional religious movements in Russia in the 70s. 20th century]. *Vestnik RKHGA* [Bulletin of the RHGA]. Vol. 14. Issue 1. pp. 52–55. (In Russian).

8. Kolmakova M. V. (2017). Napravleniya issledovaniy religioznogo sektantstva v rabotakh sovetskikh uchenykh 60–80 gg. XX veka [Directions of research of religious sectarianism in the works of Soviet scientists 60–80 years. 20th century]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki»* [Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences"]. No. 1 (3). pp. 192–198. (In Russian).

9. Kostylev P. N. (2013). Institutsializatsiya religiovedeniya v Moskovskom universitete v pervoy polovine XX v. [Institutionalization of religious studies at Moscow University in the first half of the 20th century]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogosloviye. Filosofiya. Religiovedeniye* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Theology. Philosophy. Religious studies]. Issue. 5 (49). pp. 79–95. (In Russian).

10. Menshikova E. V. (2009). Iz istorii otechestvennogo religiovedeniya: osmysleniye predmeta i metodov v 20–30 gody XX veka [From the history of Russian religious studies: comprehension of the subject and methods in the 20–30s of the 20th century]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* [Proceedings of the Herzen RGPU]. pp. 38–42. (In Russian).

11. Menshikova E. V. (2010). Problemnoye pole religiovedcheskikh issledovaniy v 20–30 gg. XX veka (k istorii otechestvennogo religiovedeniya) [Problematic field of religious studies in the 20–30s. 20th century (to the history of Russian religious studies)]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. No. 3. pp. 37–39. (In Russian).

12. Menshikova E. V., Yablokov I. N. (2011). O periodakh v istorii otechestvennogo religiovedeniya [On the periods in the history of Russian religious studies]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya* [Bulletin of Moscow State University. Series 7. Philosophy]. No. 5. pp. 98–116. (In Russian).

13. Metel' O. V. (2017). Izucheniye religioznoy problematiki v stenakh Kommunisticheskoy akademii: ot kabineta religioznoy ideologii k antireligioznoy seksii [Study of religious issues within the walls of the Communist Academy: from the office of religious ideology to the anti-religious section]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogosloviye. Filosofiya. Religiovedeniye* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Theology. Philosophy. Religious studies]. Issue. 69. pp. 71–86. (In Russian).

14. “Nauka o religii”, “nauchnyy ateizm”, “religiovedeniye”: aktual'nye problemy nauchnogo izucheniya religii v Rossii XX – nachala XXI veka (2014). [“Science of religion”, “scientific atheism”, “religious studies”: topical problems of scientific study of religion in Russia XX – early XXI century]. Moskva: Publishing house PSTGU. 263 p. (In Russian).

15. Potapova N. V. (2013). Istoriya yevangel'sko-baptistskogo soobshchestva rossiyskogo Dal'nego Vostoka 1917–1922 gg. v rabotakh pervykh sovetskikh istorikov-«antireligioznikov» [History of the Evangelical-Baptist Community of the Russian Far East 1917–1922. in the works of the first Soviet historians - “anti-religious”]. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Proceedings of the Oriental Institute]. Issue 2 (22). pp. 46–56. (In Russian).

16. Ryazanova S. V. (2020). Zakrytoye religioznoye soobshchestvo: strategiya skladyvaniya i printsipy funktsionirovaniya [Closed religious community: folding strategy and principles of functioning]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological science and social practice]. Vol. 8. No. 2. pp. 86–100. (In Russian).

17. Ryazanova S. V. (2013). Kategorial'nyi apparat religiovedeniya: granitsy, printsipy [Categorical apparatus of religious studies: boundaries, principles]. *Nauchnyy yezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 13.No. 1. pp. 37–50. (In Russian).

18. Safronov R. O. (2013). Izucheniye sekt v sovetskom religiovedenii: terminologiya i podkhody [The study of sects in Soviet religious studies: terminology and approaches]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogosloviye. Filosofiya. Religiovedeniye* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Theology. Philosophy. Religious studies]. Issue. 5 (49). pp. 96–112. (In Russian).

19. Smirnov M. Yu. (2015). Religiya i issledovaniya religiy v Rossii [Religion and research of religions in Russia]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. Issue. 1. pp. 263–269. (In Russian).

20. Total'nyye instituty v Rossii. Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki (2019). [Total institutions in Russia. Journal of Social Policy Research] Vol. 17. No. 3. (In Russian).

21. Fadeev I. A. (2015). *Tserkov' Anglii: problema konfessional'noy samoidentifikatsii v istoricheskoy perspektive* [Church of England: the problem of confessional self-identification in a historical perspective]. Moskva: Maska. 416 p. (In Russian).
22. Shakhnovich M. M. (2006). *Ocherki po istorii religiovedeniya* [Essays on the history of religious studies]. Sankt-Petersburg: Izdatel'skij dom Sankt-Peterburgskogo universiteta. 290 p. (In Russian).
23. Shakhnovich M. M. (2008). Istoriya otechestvennogo i zarubezhnogo religiovedeniya [History of domestic and foreign religious studies]. *Religiovedenie* [Religious studies]. No. 1. pp. 193–200. (In Russian).
24. Shakhnovich M. M. (2013). K istorii vozniknoveniya sravnitel'nogo religiovedeniya v Rossii [On the history of the emergence of comparative religious studies in Russia]. *Vestnik SPBGU* [Bulletin of St. Petersburg State University]. Series 17. Issue 3. pp. 80–86. (In Russian).
25. Shakhnovich M. M. (2018). Izucheniye religii v Rossii v kontse XIX – pervoy polovine XX veka: ot fenomenologicheskogo opisaniya k kriticheskomu issledovaniyu [The study of religion in Russia at the end of the XIX – the first half of the XX century: from phenomenological description to critical research]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. No. 1. pp. 171–195. (In Russian).
26. Quantifying approaches to discourse for social scientists (2019). Coventry: Palgrave Macmillan. 320 p.

Об авторе

Рязанова Светлана Владимировна, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Российская Федерация; ORCID ID: 0000-0001-5387-9387; e-mail: svet-ryazanova@yandex.ru

About the authors

Svetlana V. Ryazanova, Dr. Sci (Philos.), Associate Professor, Leading Researcher, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation; ORCID ID: 0000-0001-5387-9387; e-mail: svet-ryazanova@yandex.ru

Поступила в редакцию: 17.12.2020

Received: 17 December 2020

Принята к публикации: 25.01.2021

Accepted: 25 January 2021

Опубликована: 31.03.2021

Published: 31 March 2021